

УДК 008

Т. И. Мороз

«МЕТАФИЗИКА СЕРДЦА» В РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается «метафизика сердца» в качестве одной из специфических универсалий, основополагающих и созидающих русскую культуру в целом и русскую музыкальную культуру в частности.

Ключевые слова: универсалии культуры, русская музыкальная культура, мировоззренческие установки, ценностные ориентиры, «метафизика сердца», «сердечное созерцание».

Т. I. Moroz

“HEART METAPHYSICS” IN RUSSIAN MUSICAL CULTURE

The article reviews “heart metaphysics” as one of specific universality, fundamental and creating Russian culture as a whole, and Russian musical culture in particular.

Keywords: culture universality, Russian musical culture, world outlook determinations, valuable reference points, “heart metaphysics,” “heart contemplation.”

Реконструкция культурного универсума, определяющего мировосприятие человека той или иной исторической эпохи, невозможна без выявления «мировоззренческих универсалий» (В. С. Степин), образующих глубинные основания человеческого сознания в целом, соединенных со специфическими смыслами, характеризующими национальные особенности каждой культуры. Каждая культура, помимо универсальных культур-

ных категорий, характеризуется присущими именно ей особыми специфическими универсалиями, отражающими ее исходные ценности и смыслы, во многом определяя характерное мироощущение и мировосприятие, миропонимание и миропереживание своего народа. Обнаруживаемые во всех областях культуры данные универсалии наиболее ярко и полно обретают свое бытие в образных конструкциях и символике художественных практик.

Русскую культуру отличает, прежде всего, наличие устойчивых духовных приоритетов, и в центре русской культуры стояли такие духовные ценности, как Истина, Добро, Красота, Благо, Вера, Любовь. Для русского национального сознания подобные мировоззренческие ориентации оказались глубоко укорененными в православной духовной традиции. А. В. Гулыга отмечал, что «русская культура и Православие в основе своей нерасторжимы, тождественны» [3].

От Православного богословия русской культурой были восприняты многие идеи. И прежде всего – это пристальное внимание и тяга к Абсолютному, поиски элементов Абсолютного в самом человеке, восхождение человека к Нему, соединенное с углублением в самого себя. Другая идея – идея целостности, рождающая иное мироощущение и задающая особый тип связи в системе отношений «человек-мир», нацеленность на полную и целостную жизнь духа – духовную цельность и внутреннюю гармонию человека.

Ключевым в русской метафизике было положение о том, что истинное метафизическое бытие изначально открыто человеку и «всеобщие основания бытия и живой человеческий опыт слиты воедино и предстают как ипостаси целого, имеющего общую сущность» [7]. В связи с этим обретал особую значимость вопрос о том, как, каким образом человек выстраивает отношения с Абсолютным.

Православная духовная традиция, оказавшая влияние на формирования национального самосознания, также привнесла в русскую культуру идеи деятельного духовного совершенствования и воссоздания подлинного смысла и назначения человеческого существования. Отмечая рассредоточенность обозначенных духовных ориентиров во всем контексте культуры, данные идеи были глубоко восприняты русским музыкальным искусством.

Русская музыка, выступая неотъемлемой частью русской культуры, являет нам целый ряд творений, воссоздающих работу «ума и сердца» над вечными и значительными проблемами человеческого Духа. Русские композиторы не только в музыкальных произведениях, а также в своем литературном наследии оставили мысли о непреходящем, о вечном, созвучные религиозным представлениям, а нередко и страницы, эксплицирующие духовный опыт, отражая личностный поиск сокровенного смысла жизни и предназначения человека.

Стремление постичь Совершенство и обрести предельную полноту бытия для русского национального самосознания непременно были связаны с особой категорией сердца. Именно сердце как глубинная основа личности связывает человека с миром и его духовным Первоначалом. Б. П. Вышеславцев отмечал, что через символ сердца мы обретаем чувство нашей укорененности в Абсолютном [2, с. 271–275].

Для русской культуры сердце – это особый символ, насыщенный многообразными смыслами. Выступая первоисточком, средоточием, центром, оно является, своего рода, условием цельности человеческого бытия. С категорией сердца связывались представления о внутренних, скрытых в человеке бесконечных горизонтов сознания, составляющих его духовное измерение. И. А. Ильин отме-

чал, что главная сила самобытной России – это идея сердца [6, с. 215].

Воспринятая русской культурой от восточного святоотеческого богословия, идея сердца получила свое осмысление на почве русской мысли Т. Задонским, Г. Сквородой, И. А. Киреевским, А. С. Хомяковым, П. Д. Юркевичем, П. Флоренским, С. Л. Франком, Б. П. Вышеславцевым, И. А. Ильиным. В русской философской традиции идея сердца прошла теоретическое осмысление от религиозного символа до уровня философского принципа.

Как внутренний, глубинный слой личности сердце выражает очень тонкие душевные состояния и переживания человека. Русская музыка, являясь «живописанием внутренней жизни духа и бытия» (А. Ф. Лосев), смогла воплотить не только все богатство человеческих чувств. Соприкосновение с русской музыкой для русского человека вскрывает пласт предельных содержаний его человеческого бытия и глубочайшую основу личности, выступающую носителем духовной жизни, пробуждает то начало, посредством которого возможно постижение Высших смыслов, рождая новое понимание себя, мира и своего места в нем.

В традициях православной аскетики, в частности – исихазма, сердце означает способность человека собирать всего себя в единый внутренний центр. «Суть и содержание исихии составляет таинственная и сверхрациональная работа переустройства души... Начинают формироваться новые, не встречаемые в естественном состоянии принципы организации и механизмы работы сознания... В формировании этих новых структур и механизмов центральное место занимает особый процесс концентрации, сосредоточения или центрирования сознания – “сведения ума в сердце”» [7].

Музыкальный опыт будь то композитора, исполнителя или слушателя оказывается так-

же опытом самособирания себя, сосредоточения и самопогружения, полноты внимания и самоотдачи, сопряженный с высоким эмоциональным напряжением, ведущий к интенсивной духовной работе и сопровождающийся особыми «предельными» переживаниями.

Соприкосновение с музыкой являет нам подлинное углубление духа путем сосредоточения и погружения в живую глубину нашего собственного бытия. Привнося принципиально иное мироощущение в жизнь человека, совершенно иной тип отношений между человеком и миром, выражающийся в стремлении к единству, цельности, непосредственной связи с миром, устанавливает нацеленность на полную и целостную жизнь духа. Он выявляет, делает «зримым» (для внутреннего взора), «осязаемым», прочувствованным и проживаемым наиболее глубинный, бытийный пласт, скрытый множеством «напластований» иных форм опыта, недоступный в реальном обыденном существовании человека. Открывая выход к глубинным жизненным корням человеческого существования, «мы непосредственно имеем присутствие в нашей душевной жизни *начала сверхвременного света и смысла*» (С. Л. Франк).

Из этой глубины, «предельного таинственного центра личности, где лежит вся ее ценность и вечность» (Б. П. Вышеславцев), где и происходит соприкосновение с Божественным – из этого «метафизического центра» творили и представители русской музыкальной культуры. П. И. Чайковский говорил о том, что где сердце не затронуто – не может быть музыки. «Ни один звук не вырывался у Мусоргского, не коснувшись его сердца. Все лично пережито и слезою терпкою овеяно» – писал Б. Асафьев о творчестве композитора [1, с. 143]. В литературном наследии С. В. Рахманинова не раз встречаются мысли о том, что музыка должна идти от сердца быть обращена к сердцу.

Русские композиторы в своих произведениях являли нам проникновенную лирику, пронизанную духовным светом, возвышенные поэтические размышления, рожденные «сердечным созерцанием», углубленную сосредоточенность и молитвенное предстояние пред Всевышним. Вместе с тем, творчество композиторов отражает и глубоко личностное, связанное со всем существом художника, драматическое переживание реальности, возникающее в результате утраты цельности человеческого духа, расщепленности его бытия. Как отражение сложной душевной жизни, нередко разрастающейся до психологической драмы, в произведениях русских композиторов подобный духовный опыт русского человека подводится к идее «преобразования человеческого духа».

Почему же именно «метафизика», а не философия сердца? Ведь нередко музыку называют философским анализом человеческой души. Прежде всего, потому, что метафизика, будучи наукой о сверхчувственном, о предельных основаниях бытия и существования человека в мире, задает совершенно иной поворот и вскрывает глубинные пласты взаимодействия человека с миром и с самим собой. Это задает и особый способ бытия – более глубокого проживания и переживания во внутреннем опыте.

Музыкальный опыт, отличающийся целостностью и органичностью, прежде всего, является опытом внутренним, сопряженным с изучением глубинного потенциала человека, с тонкочувственным восприятием своей внутренней природы. Снимая пространственно-временные координаты внешнего мира, он задает иные координаты для внутреннего пространства-времени с его глубинными и потаенными измерениями, к миру невидимого, постигаемого внутренним взором и внутренним слухом. В. Мартынов, современный отечественный композитор, так размышляет о композиторском творчестве и не

только о нем, а, скорее, в целом о музыкальном восприятии-постижении: «Что находится за этими пределами? И можно ли, разбив эту скорлупу, попытаться прикоснуться к некоему Иному? ...стать соучастником потока, где нет прошлого и настоящего, уносящего в состоянии недвойственности, приобщающего некоему таинству» [8, с. 12].

Преодолевая раздробленность многообразных форм человеческого существования и форм знания, снимая их в высшем синтезе и выводя за пределы обыденного существования, музыкальный опыт возвращает человеку целостность, дает реальный опыт Бытия. Открывается возможность идти путем расширения сознания до ощущения и переживания единства, целостности через чувствование и осознания своей подлинной глубинной сущности. Подобная бытийная сопричастность в музыкальном опыте свершается всем своим существом, потому что музыка, захватив в нас все качества нашего существования – всю психофизическую целостность – поведет нас к некому претворению, к «полноте жизненного присутствия».

Музыка русских композиторов, затрагивая самые сокровенные, самые тонкие грани души русского человека, пробуждает одну из самых глубочайших способностей человеческого существа – «сердечное созерцание». И. А. Ильин рассматривал «сердечное созерцание» как особую духовную силу, обновляющую, очищающую и углубляющую человеческий опыт. «Человек, обладающий сердечным созерцанием, вступает в мир, чтобы духовно вчувствоваться в него и сочетать при этом всю объективность предметного созерцания со всей силой личностного самовложения» [4, с. 83]. С. В. Рахманинов писал: «Когда я сочиняю, я стараюсь прямо и просто выражать то, что у меня на сердце» [9, с. 147]. «Музыка – выражение индивидуальности композитора во

всей ее полноте. Но эта цель не может быть достигнута рационалистично» [9, с. 144].

«Сердечное созерцание» открывает человеку то, о чем он раньше и не помышлял, и такое, что постепенно обновляет все его внутреннее существо, его жизнь. В искусстве, как отмечал И. А. Ильин, оно приводит человека к символически-художественному видению [5, с. 493]. И возникает подобного рода видение из предельного, высшего достижения человека, включая глубинные основы его существа.

Будучи живой, глубинно-искренней и сердечной, русская музыка растворяет в себе и вместе с тем кристаллизует в душе образы-символы, возвращающие человеку его утраченную целостность, его бытийную соучастность с трансцендентным. Она возвращает нас к цельному и живому мироощущению, помогая всякий раз отыскать и открыть духовную глубину, найти себя и обрести свое, именно свое, место в мировом целом.

Еще в 1951 году И. А. Ильин говорил о крушении нашей культуры, отмечая ее духовную беспредметность, ведущую к бес-

форменности, кощунственную игру без души и без художественного измерения. Русский мыслитель отмечал, что культуру созидает любой творческий акт, но в строении этого акта у нас не хватает *сердечного созерцания* [5, с. 484–486]. Словно вторя словам П. И. Чайковского, Ильин утверждал, что без сердца культуры быть не может. Сердечное созерцание дает пронизательную глубину, духовную значительность и творческую силу – то, чем обладает и что несет нам русская музыка.

«Метафизика сердца», наряду с Соборностью, Всеединством, Софийностью, выступая особым способом выражения культурного опыта нации, присутствует во всем культурном контексте и сегодня. Представая в качестве одной из особых специфических универсалий, основополагающих и созидующих русскую культуру в целом и русскую музыкальную культуру в частности, позволяет по-новому осмыслить данный опыт, не только выявляя его сущностные основания, но и обозначая мировоззренческие ориентиры для развития современной российской культуры.

Литература

1. Асафьев Б. О симфонической и камерной музыке. – Л.: Сов. композитор, 1961. – 251 с.
2. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса / вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. – М.: Республика, 1994. – С. 154–325.
3. Гулыга А. В. Формулы русской идеи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://socarchive.parod.ru/rasn/rusproj/proj01/story05.htm> (дата обращения: 18.05.2012).
4. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта: исследование: в 2 т. – Париж, 1953. – М.: Русская книга, 2002. – 482 с.
5. Ильин И. А. Путь к очевидности // Ильин И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / пер. с нем. О. Колтыпиной; коммент. Ю. Лисицы. – М.: Эксмо, 2007. – С. 323–511.
6. Ильин И. А. Религиозный смысл философии. – М.: АСТ, 2007. – 258 с.
7. Климов О. Опыт безмолвия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.orthodox-book.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=114:2012-04-02-20-23-39&Itemid=66&layout=default (дата обращения: 12.05.2012).
8. Мартынов В. И. Зона *opus posth* или рождение новой реальности. – М.: Издательский дом «Классика – XXI», 2005. – 288 с.
9. Рахманинов С. В. Литературное наследие: в 3 т. – М.: Сов. композитор, 1961. – Т. 1. – 648 с.

Literatura

1. Asaf'ev B. O simfonicheskoj i kamernoj muzyke. – L.: Sov. kompozitor, 1961. – 251 s.
2. Vysheslavcev B. P. Vechnoe v russkoj filosofii // Vysheslavcev B. P. Jetika preobrazhennogo Jerosa / vstup. st., sost. i komment. V. V. Sapova. – M.: Respublika, 1994. – S. 154–325.
3. Gulyga A. V. Formuly russkoj idei [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://socarchive.narod.ru/rasn/rusproj/proj01/story05.htm> (data obravenija: 18.05.2012).
4. Il'in I. A. Aksiomy religioznogo opyta: issledovanie: v 2 t. – Parizh, 1953. – M.: Russkaja kniga, 2002. – 482 s.
5. Il'in I. A. Put' k ochevidnosti // Il'in I. A. Ja vgljadyvajus' v zhizn'. Kniga razdumij / per. s nem. O. Koltypinov; komment. Ju. Lisicy. – M.: Jeksmo, 2007. – S. 323–511.
6. Il'in I. A. Religioznyj smysl filosofii. – M.: AST, 2007. – 258 s.
7. Klimkov O. Opyt bezmolvija [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.orthodox-book.ru/index.php?option=com_content&view=category&id=114:2012-04-02-20-23-39&Itemid=66&layout=default (data obravenija: 12. 05. 2012).
8. Martynov V. I. Zona opus posth ili rozhdenie novoj real'nosti. – M.: Izdatel'skij dom «Klassika – XXI», 2005. – 288 s.
9. Rahmaninov S. V. Literaturnoe nasledie: v 3 t. – M.: Sov. kompozitor, 1961. – T. 1. – 648 s.